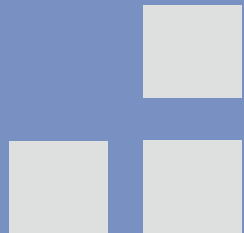

С В Е Т
Л А Н А
Б У Н И
Н А

нина светлана бунина светлана бунина светлана бунина светлана бунина
удел цветка • удел цветка • удел

Воймега

светлана бунина

удел цветка

УДК 821.161.1-1 Бунина
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Б91

С. Бунина

Б91 Удел цветка. — М.: Воймега, 2009. — 64 с.
(серия «Приближение»)

ISBN 5-7640-0096-3

© С. Бунина, 2009.
© С. Труханов, оформление, 2009.
© «Воймега», 2009.

I

И, возможно, самое насущное сейчас –
оправдание мысли.
Слух на её достоверность.

• • •

Мало того, что тихое, —
Мало того. Ластится, тикая,
Время Его. Нитяное, расхожее
Наказание Божие.
Так наперстянка стекловидная, гость внутри,
Спрашивает: замри. Пиши, возрази перстами —
Лёгкое и качает, — стекло протри,
Из того, что с нами,
Ничего. Присмотрены в колыбель.
Теснота ласкает.
Время и детство нежат тебя в себе.
Большее — отпускает.

• • •

Легко оставаться одной земноводной зимой,
Где твари живые зовут тебя белой чумой, —
Один для глубин: человек — челознак — челобог,
Прениже их спин, где твой огненный голос продрог.
Ты — в Летнем саду, где позёмка на старых словах,
У всех на виду и у каждой четы в головах.
В больших сапогах. В нахлобученных наспех стихах.
И это не крах. Достоверно, что это не крах.
Как тень в их садах, как бесцельная щель в их рядах,
Ты всякий наряд принимаешь на первых порах.
Но в женской телесности детских опилок гора
Живёт для словесности (дереву снится кора).
Поэтому лучше зиме предаваться — одной.
Зиме обложной, многопалой, зиме нутряной,
Где выключен свет. Где на «Вы?» откликается смерть.
Где в чёрный кювет опускается белый конверт.

• • •

Представим видимость жизни по Джону Кейджу:
«Даже если ты ничего не сделал — раздастся звук».
Бабочка-буря. Поющий салат-латук.
Едва заглянувши в комнату, тень без бейджа
Шуршит. А шорох с годами слышней, чем стук.
Любовь, поди, не реальность. Пойди умойся
(Ты никогда не плачешь, на то и спишь).
Только в анклавe нашего беспокойства
Дитя бормочет. И ночи стекают с крыш.

• • •

Гортензия, развейся. Чувство дней
Недорого гортензии: с корней
Младых блажит. И вся — припоминаясь,
Но вслух стирает то, что было с ней.

Артезианских скважин тишина...

Гармония горбата, как вина,

Претензия (здесь выгибают спину).

Я на лицо печали не надвину,

Но не она: печаль её полна.

Глоток, а засыхает. И внутри —

Гортанное зияющее «три»:

Горячка, горе, Азия в стакане.

Тот горизонт, откуда, могикане

Убогие, грядем. Не дикари —

Лишь кустари, словесники, чей гнев

Скрипит себе. И вот уже, согрев,

К губам прижать бы... Стоило присниться

Тому, кто входит в писчие десницы,

Но слов — не источает, постарев.

• • •

*...тебе удел цветка
Евгений Боратынский*

За какими такими к тебе словами
Обращается маковица? Отцветает
Сердобольная местность... зима большая,
На чужом подоконнике снег не тает.
Запирает, сугробами тело крепит,
Забредёшь на окраину — тоже больно.
Наклоняется небо и солнце светит
Упоительно, тупо, краеугольно.
Так и спустишься в зёрна, покуда стынешь
(Вдоль по улице вышки сторожевые).
И какую печаль из кармана вынешь?
И какой черноте отойдёшь впервые?

• • •

В соборном будущем, где места нет
И мне,
Где местные невидимые ходят
И метко им направлена тропа, —
Не спрячешься. И там бы наравне
Столпами встали. Тело у столпа
Телесней некуда. Куда ведёт
Непринуждённый повод-пешеход?
Какие отраженья вызывает
Едва животворящая рука?
И клонится звезда?
Наверняка
Туда,
Где легче не бывает.

• • •

Не старым, не молодым —
Увижу тебя чужим,
Как будто из средостений
Познания, его даров
И непроходных дворов
Мы выпали в мир растений.
И всенепременно в нём
Расстанемся и умрём.

Здесь каждый себе не рад,
И вот выпадает град,
Сбивающий спесь сухую.
И хочется угадать,
За что (поведенье, стать)
Ты любишь меня такую,
Чужую, почти седую...
Как Божию благодать.

• • •

С. Я.

То, что мы сделали в речи, достойно встречи:
Предвосхищение — переходящий вымпел.
Вёрстка, где новые строки сродни картечи
(Только увиделись — и раздаётся выстрел).
Живы, как умерли. Перенесли границу.
Предугадали, что дело имеет тело.
Вижу твоими глазами, и смысл двоятся,
И забывает дыханье, куда летело.

ЖИЗНИ

— Лейся-лейся, зелёная вода во мне.
На тебе стоящая кровохлебка
Распрямляется в свете-воздухе-тишине,
Тишине провещая логос и телу лепку.

Отрази — какие па-па выводил песок,
Как побывало тебе моросить снаружи
(Биться в чужое — запястье-носок-висок).
Лейся во всеоружье

Плавности, и какие б ни были времена —
Суд твой иное: белое станет ало,
В разе любовь-благодарность достигнет дна.
Лейся, раз возжелала —

верность

Просто не назвала бы так.
Набранный голубой глоток
Сразу царапает горло: знак,
Чтобы зашить роток,
И роговеть в основанье дням,
И горевать об Одной беде.

Голосу не хватает ям,
Сердцу — темно везде.

зимним вечером в Ялте

Ялта. Ялта. Батюшков. Подношение
Святости Пушкина. Аггелизм. Подвиньтесь,
Юная леди. В какой провинции
Вы наклонялись ко мне? Ничего душевной
Не было в жизни. Четыре праздника
Мы простояли вместе, как на пуантах.
И у хозяйской наседки под бой курантов
Вылупились цыплята-гении. Из-за задника
Старого кинотеатра смотрели веки
Всех растревоженных призраков, не хватало
Только последнего чуда о человеке.
Мы затихали в центре пустого зала.
Как подошло другое, какими мерками
Нас поманило море, чтоб сделать солью?
Видите ли, мадам, ничего не «меркнуло».
Мир наполнялся болью. И миф любовью.

Тридцатилетие

*Город Торжок уничтожали тридцать раз.
Из путеводителя*

Ты держишь тот же предмет в руках,
который, прижав его к голове,
человечек в городе, чёрный птах,
назначен лежать на чужой траве,
и думаешь, язвы, туберкулёз,
раньше пугалась, но всё прошло,
это, занявшись тобой всерьёз,
голос, тебе тепло,
тепло ли, девица, во Торжке,
что ли сама упадёшь ничком,
общее боли нося в руке.
Невредим за дверным глазком...

• • •

«Так пропадает необходимость
В книге. В какой угодно покупке.
В означаемом. В завтрашнем балагане,
Означаемом жизнь на краю потопа».
— Так остаётся две-три (в постели
Спрашивал) карточки вместо трелей
Под Троицу. Вместо прозрачных тканей
(То есть не сами ли мы искали
Выхода?). Остаётся сущность,
Пустотелая, как фуэте в балете.
Ни те, ни эти не были правы —
Не уцелели ни те, ни эти.
Вот не случившееся: оседает.
Что перечитывать? Сама седая.

• • •

Благодарю за сон.
Где слитным взмахом
Деревьев, рукавов речных, завидных городу,
Мы стали заодно.
Ни бывшее, ни будущее, ни
Простое настоящее. (Не все значенья — разгадать,
Не всё — значенья.)
Мы были так понятны, словно мысль
Входила в мысль и опыт в опыт:
Усилий, перебежек, неудач.
Мы были так верны тому, что слыше
О нас подумали. (Не все значенья
Для спящих — есть для тех, кто лепит сны.
И в нас они нуждались.)
Вот солнце: плоское. Вот горизонт:
Не стронулся с насиженного места.
Но шире кажется, а смысл точней.
Благодарю: не рай.
Мне лежбища теней
Не нужно. (Все значенья — чтобы оспаривать.)
Я видела, как ты идёшь к себе.
Как теплишься на расстояньи жеста.

• • •

Браво же, сон. Никуда не деться
Данности — поспешит искать
Ближнее сердце в районе сердца
(И ошибается! И опять
Выпустит). Разве бывали рядом?
В вафельной кухне вдыхали газ...
Всем звукорядом, как туш — в рояле,
Желтофиоли нуждались в нас,
Заспанных. Вот по какому праву
Мышца, запавшая за рубеж,
Не проговаривается сразу.
А выговаривается. Без.

• • •

Головокру́жится.
Тело, подай
Мало-мало жару.
Пули навывлет, последнего жанра.
Холоден
Твой Голодай.
Были и вышли.
Кабак попритих,
Стихно, но на Тимирязевской
Выпало
Изморози — на двоих
Не устоишь. Что по-разински
Брошено метко, то око неймёт.
Мироточим, потерпевшие.
И отпускаемся: звуки под лёд,
В сланцы непевчие.

• • •

Смотри, и **эта** закончилась. Вот покой
От всех её проходимцев, зверей незваных.
И хочется жить, отодвинув себя рукой
От прочих подобных. В саванах и в саваннах
эпохи не выбирают. Смотри, как в строй
Становятся самозванцы, и крепят вёсла,
И ласково называют её «рекой» —
Тем твёрже мы огибаем её, как остров.

портрет: Надя

Женщины, чаще пальто менявшие кожу, —
Вдуматься: ведь ничто на них не похоже.

Даже и Антигоны. Когда неслась
По сердцу колесница античных слухов,
Эти не истреблялись. Влетая в ухо,
Смерть вылетала в другое.

Жизнь жилась.

Вышли юнцы, чужая, в осмертья злые,
Бывших знакомцев мучила ностальгия,
Панкреатит (в коронах дурные сны).

Эти не остывали к своим привычкам:
Вдовьему беломору, кивкам да спичкам,
С тем докричались,
Ласточки, до весны.

Им не далось условное примиренье,
Тело ушло в четвёртое измеренье —
И сердцеед отказом не осквернит
Их слуховую сноровку (под бровью острой
Этим ослепшая муза глядела в сёстры).
Время безмолвствует. Горшее временит.

ІНШОМОВНЕ

I

насправді те як тесля на зухвалі
точило нас воно було іржа
сумлінності порозуміння жалю
і стислість червоніла мов межа
між нашими бажаннями і нами
тоді як ми ставали іменами

II

тамтешній дзвін який він є
немов кохання не моє
немов солений жах
на немоїх очах
хоч деколи у віршах цих
дзвенить чого немає в них
либонь вербальний дзвін
збагнули я і Він

III

бо клопіт мій такий нежвавий
тримайся дужче світе правий
мені тебе ніяк
до іншомовних не звернути
але диви й мої статути
більш за твоїх наснаг

из Ю.Андруховича

Трава на камне. И она
Растёт ночами в ранах дома.
Трава лучится, как луна,
И приникает к неживому.

А мы так часто крестим мрак
И слухом маемся, покуда
Трава в ночи вздыхает, как
Озёрное живое блюдо.

Себя вбивая, словно клин,
В сухие стены — падать ниже.
Принять улыбку их морщин,
Держаться камня, чтобы выжить.

Пока меж реек и часов
Пробьётся заданная снами —
Великолепней всех лесов —
Трава, пришедшая за нами.

• • •

Памяти И. Р.

Ненужный груз,
 Холодный жёлудь...
Так тело попадает в жёлоб
 И катится, неся с собой
Конфетное: орехи, рома
 Внезапный привкус, —
Ближе к дому,
 Роднее, —
Наступает сбой.
Так *не узнавшие*, что даже
 Не ранены в своей пропаже,
Мы на корнях, как на губах:
 Ничьи.
 Тем Лист смелее, словно
Любви не утоляет слово,
 Воск, разминаемый впотьмах.

• • •

В чёрно-белом —

 óсокорь и купена, обвитая телом,
Словно воздухом.

 Что тебе, Эвтерпа, до чужого тлена?
Ловишь поверху

 полноту своих обещаний, в подоле зёрна,
Руки-голуби.

 Что тебя рядить по чужому горю?
От него ли ты

 набиралась выпренности дочерней,
Стыла вызовом?

 Что тебе мерило любви пещерной
В вихре тисовом?

смерти (стихи в белой рубашке)

...И за-сы-па-ю,
Уняв в груди
Воздух: тонкое обходи,
Топкому не перечь.
И замедляю (ты далеко)
Речь о пролитом. Молоко
Переливать, сиречь.
Ты настагаешь меня, когда
Для головы не хватает льда,
Плевры для сквозняка.
Задолго я для тебя легка —
И не сошью себе на века
Лучшего скорняка.
Ты наряжаешь меня во всё
Лучшее. Запахнув парчой,
Ластисься на свету
К Той, что и снами не обнимать.
Роскоши, о которой, знать,
Молимся
По-пу-сту.

О любви

Сбился: вот поток
В семь потов (на восток
Поезд). —
Бог, человек без черт,
Большее положил в конверт.
Так и
Горбится горизонт..
И: не поднять ли зонт,
То есть
Не осушить ли глаз,
Не отменить ли раз
Знаки?

— *Знал слова. А слова к роману
Двигались... (Может, стану
Нем?) — Кардамон, корица
Очищают запахи у причала. —
Девочка, девочка, начни сначала.
Подними ресницы.*

• • •

Городок назывался Нижний Ярыхин.
Сбился за стёклами. Зима блистала.
Жизнь у разбитого паслась корыта,
У раскуроченного пьедестала.
Шагнула с поезда, как в ухо дунула —
Что есть слова, как не тёплый воздух?
С виском сходящийся прежде дула,
Леском струящийся прежде голого
Следствия (горнего) отторжения —
От ностальгии, от паранойи...
Кругом, насколько хватило зрения,
Носилось тонкое и немое.

• • •

В високосный год горит височная кость —
О том, что избыток солнца, зима длиннее
На февральский наст зияющий, на вопрос:
Что за нею?
За ней — по виду новая Кострома —
Ритуальная часть сознания: перевалы,
Букварные сумерки. Чтобы дойти ума,
Тело распаляется небывало.
Солярным знаком выгнется этот день,
Сама снаружи — и говорить не в силах.
Поддавшись общему бедствию, между стен
Испепеляется, так и не научив их
Сущему слову. Старится Робинзон,
Ищет наследников, хочет пойти на ласку.
Но вот же дивная местность: асфальт, вазон —
Ничто не напоминает его Аляску.

• • •

В году <...>,
Где каждая смерть на месте,
Верные люди сидят в карете —
И ничего между ними нет.
Свет.
Только и люди, что
Голос голый.
Их настоящего ничего
Не возмущает: ремарка Поло,
Прочий шаббат Прево.
Вдоль водоёма букашки, кашки,
Быт посеваёт свои замашки,
Нить шелковиста-я
Тянет: «Что ты, то я —
Внидь и останься, приди и сделай».
Жизнь громоздится под кожей белой,
Но вода играет в своих пределах —
Руки воздела
Верность.

апрель. годовщина третья

Всё зримо, как будто из Рима, где голуби стихли,
Ты выглянул, чтобы расставить артикли, —
И в нас между ними остался. Приснился и есть.
Так зримо, как будто из Рима, где голуби в честь
Твою отдыхают, — оковы ли сердцу пристали? —
Ты выронил в мир, отстоявшийся в пепле и стали,
Пытливую весть.

И мы, понарошку в другие дома и науки
Ходившие, как до рождения (но и не в круге
Пока что — а может случиться), — смочив голубой
Водой основание взгляда, мы пели с тобой
И тёплого имени нежность, и доброе гетто...
Чтоб римским багетом обветрилось лето Завета
Над Летой любой.

элегически, другу

Два месяца — а лицо твоё изменилось.
Что же невеста твоя, когда полгода
Не видит этого сострадания — ближним, дальним,
Неуют, холода в пальцах...
Вот и на кухню ты не выходишь
(Только чужие вещи, только
неприручённые артефакты).
Время сидит под лестницей, в мышеловке,
И достать его некому — из пространства
Выпотрошить, как сухую стружку.
Два месяца я не думала о твоём
Одиночестве. Здесь — не имея права.
Только у сильных права, у вельможно-ясных
(Тех, кому нет дела до наших лестниц,
До наших стихов — априори, до наших страхов).
Тех, кто никогда не осмелится
В бессмертии обручиться с нами.

• • •

Славе

Ехали на «Пальмире», пугали рыбу —
Оторваться от города, там недолго.
А языком ворочали глыбы, голыши, осколки:
Тело — рыжее озеро, чувство долга
Направляет ржавую молвь к рассвету,
Складками обозначившись, старит кожу.
Только-то и того, что слышали эту...
Тихую... Ничего другого.
И всё же, всё же!

парковые скульптуры

Я — затвержу — могу это, помоги это за-могу,
Говорят,
Я всё больше
Парк,
Где не смять подряд
Двух одинаковых рытвин.
Но вот же сразу:
Ты стоишь
(по-прежнему шелковист, поднимаешь уши, идёшь на свист, искренность пустоты неподвластна глазу).
Он стоит
(учинён, склонён, не может не быть чужим, от него прошлогодний дым Отечества, запах смерти в чужой квартире).
Что мне делать с вами двумя?
Создать динамит
И — разнеся виски, отползти в пески...
Где сознаний
Станет уже четыре.
Век, прорубая лес,
Бережёт дрова, приумножает —
Каждый присест на два:
Кто убивается, у кого фиеста.
Я смогу это
(Эхо, к любви),
Привстав.
Чёрный Гоголь (спрячьте его в рукав),
Только нутро уходящего пить оркестра.

• • •

Оставшись сквозным сознанием, начинаешь быть,
Каждому ледоходу плывёшь навстречу.
Столкновения убеждают: почти столбы
Ноги твои, балюстрада — плечи.
Заново удивляясь: и это снёс,
Это перетерпел, оживил иначе,
Будто перетягался длиной волос
С неким Самсоном... Вес ничего не значит!
Сознание — только облако медленной толщины,
К изначальному абрису дни прибавляют отзвук.
— Плывущее величаво среди бытовой войны,
И всё, чем оно питается, голый воздух.

из Выготского

Жизнь небольшого света испугалась,
жизнь на большую ветку наступила —
и в проводах шарахнуло: аминь.
Кто вышел горлом (смерть лишилась жала),
кто прибыл в Гомель (с чёрного вокзала
заезжее выбрасывалось в синь),
тот нипочём не пожалеет, или
тот ни на чём не прогадает — мало
на одного женатых незабот.
Хронологических (не изменили
же голоса: пестрело, горевало)
переворотов. Всё — переворот.
Кто приходил стыдить оленьим телом
(и в сучьях крючья: оттеняют стелы
своё прекраснодушие рабам) —
всей слепотой не замечает тлена.
То ночь, завладевая постепенно
империями, тянется к губам.

• • •

Скажешь: тоска. И тоже ещё не то,
Чем пригрозил охочий до правды рот
(Тихо, однако, — так, что во всём лито
Правды не разберёт ни один Никто
И не заговорит её наперёд).
Звонко чужое: род, воцаренье, вход
В гавань — где дебаркадеры бьют по льду...
Тихое одиночество от пустот,
Тихое — на беду — отрезвление нот
От многокрылой, уличной. Во саду
Ли, в огороде, не доискавшись дней,
Сух, как китаец (плохо тебе, Ли Бо?).
Вот тишина — и было ли что длинней,
Смушка-любовь (немыслимость тела в ней).
Ложка терзания в воздухе голубом.

имена

Чьи имена — не зная, говорят, не зная, —
Я ли к ним
Имею роковую принадлежность...
Они стоят — как птицы.
Каштаны в желтизне,
Кафе открыты, праздник на пороге,
Но тут влывает чётное число —
И все умершие поют, как боги...
Но имена? Не зная, говорят.
Я их сплетаю в тёмные венки,
Я поздно прозреваю их порядок —
И прутья выются, полнится рука
Зигзагами неверных проявлений.
Их мир стоический
Рябит весной,
Замашками невидимого мира
И рукописным праздником обмолвок,
Где имена — не зная — говорят.
Летая, знать не знают.

II

Делать всё, что возможно,
и так долго, как это возможно, —
вот искусство жить.

Жиль Делёз

срезы

Ты снишься себе, оробевший, хрустальный,
как Бог — отлетевший, как Пушкин — опальный,
и ждущий тебя имярек
глядит галереей чужой и кургузой.
Так тело, старея, бывает обузой
и смотрится в смерть из-под век.

.....

Там сотни книг на греческом, и старых,
и старогреческих, — и, начиная
выдумывать, угадываешь сразу:
есть злая жизнь, а есть ещё иная.
И в первой ты Беллерофонт и стоик,
а во второй закладкой на страницы
положен. И одна из них не стоит.
Но ни в одной нельзя остановиться.

.....

В то же время каждая неподвижность
год за годом стачивает окружность —
и недвижимость пола, и (тоже) движущаяся
внутри мишень говорит: увижу,
вот поднатужусь.
Как Ты жил, когда выпадали злаки
и собакам досталось больше, чем лицедеям?
Господи, прости меня в свои собаки
раньше, чем вести в евреи.

.....

Мой ад — не к ночи будь помянут! —
живёт в ограде звёздных грамот, нот,
и воспалённые глаза изъянов
заглядывают в рот.

Наоборот
сиреневая липа
шуршит, наоборот — сперва.
Но *сердце* в ложечке.
И холодеет бита
изъять последние слова.

.....

Поздно начинается —
поздно приходит,
стираясь стенаниями
от коды к коде,
оглохнув в расхожее,
слежавшись в извести,
призвание Божие:
узнать — вывести.

.....

Хочется первого лета чувств —
человек, потому и тщусь.

.....

Здесь будет лилия, а здесь
(весны ребристей) — календула.
На запад двинемся в шелках:
Ты — в ирисах, я — в чернокнижьи
черёмухи возьму. И так заговоримся —

замкнут
хор запахов на нас.
И так наплачемся...
Под земляным и просто.

.....

Приедешь. Будешь. Человек,
чревовещатель с виллы мидий,
приедешь в будущее небо,
воспрянешь в холоде своём.
А там этрусски. Печенег
портянки сушит. И Овидий
теряет хлопотное сердце,
не проходящее в проём.

фрагменты греческих философов

I

Бог? Человек? Зерно, подобное Пифагору?

В поры вошла

Любовь, зажжённая жалость.

Вот снизошла:

— Жена, отвлекись на голос!

В ямах воздушных

Жар — и строка разжалась.

Жезлу навстречу встал сухостой, валежник,

Слово, руке тревожное,

Жжётся змеем.

В доме Треножник

Не оставляли прежде.

Только на то и сетуем, чем владеем.

II

О богах говори: *они существуют,*

Минуя рифмы:

Если корабль наплывёт на рифы —

Просто оклики.

Всуре сказано: *и живёшь внезапно,*

И умрёшь внезапно.

Ты же помни себя, и завтра

Захлопнешь Сартра.

От людей наплакавшись, смейся чаще —

Не смотри посланцем.

А богам милее всего молчащий.

Почти их танцем.

III

Потому-то и боги клянутся водой,
Что холодное сердце уходит в забой —
И стоит по колено в воде.
И себя — в золотом разговоре с собой —
За бортом не теряет нигде.
Из неё начинается: вдовый родник
И громоздкого умысла рыбий плавник,
Где на нерест идущая смерть —
Чей рассудок прозрачен, чей слух невелик —
Попадается в первую сеть.
А высматривать дольше неважно глазам —
И трава, и дрова пропадают к азам.
Расползается тело чудес —
И в коллегии слов, начинавшихся там,
Дела нет и зачинщик исчез.
Сколько раз поднимается глина со дна
И песчаная нежность, темна и нервна,
Обновляется именем Икс —
Чтобы обняло сушу на все времена
Говорящее варево: Стикс.

IV

Все критяне лжецы, говорят? — Не слушай.
Мы не жрецы друг другу, чтоб мерить души.
И отстранён был тот, кто сказал за всех.
Только выносишь суд на чужие уши,
Сам вызываешь смех,
Высеваешь грех.
Детям и время на руку. Между делом
Только-то и детей, что у тела с телом.

Что — вхолостую — клятвы, едва живой
Взгляд обведёт границы живого лона?
Раньше молва опомнится благосклонно,
Чем племена восполнят себя молвой.

V

Имя реки остаётся — вода утекла.
Имя — ректи. За твоим, названия ради
Зримым, уже не ложиться. Подводное «да»:
Зорче стекла
Заповедное «да не укради».
Завтракать завтра. Не будем. А слову ещё
Не перемены — бутоны (слова — бутоньерки).
Быль обрывается. Горлом уходит крючок.
Рифмы цветут,
Как прыщи на лице пионерки.
Ветром овидиев перенесённый сюда
Ветру завидует. Да упокоится в числах
Выцветший дар —
Чтоб не видеть, как имя «вода»
Век простоит, ожидая высокого смысла.

метеосводка: август

1

В великой низости души...

Марина Цветаева

Пока выводят на поверку
И проверяют на поверхность
(Шероховата, как ни ставь) —
Душа оправдывает вгльавь
Своё предназначтанье. Просто
Рим ей привиделся. И он-то
Кровавит плечи, плющит лоб...
Она оправдывает, чтоб
С теченьем нефти, сходом гнили —
Лавиной! — гладко хоронили.
Чтоб мягким выстлали помост.
Пока шероховатость звёзд!

08.08.2008

2

Всё это, Господи, только повод,
Чтобы услышать Тебя. Как овод,
Правда: кружит, жужжит
Впереди себя, награждая язвой,
Спесью в печени. И последней, явной
Праздностью. На меже
Карандашной время штрихов и точек.
С возрастом Ты исправляешь почерк —
Вот и лежат в столе
Белые (хризантемы? к терниям!)
Стопки бумажные. Только перья
На лобовом стекле.

3

Смрад истории. Приходи, владей:
Здесь писал иконы Рублёв Андрей.
Каждый новый день говорит: «Я краше,
Почти не палач и почти не страшен», —
И глаза у него затянуты серой
Непрозрачной... верой.
Напоминание: кости людей, животных —
Все съедает. Потому бесплотных
Проще посылает Отец навстречу.
Сказался видимым, был замечен —
Ещё и пальцами тычут рьяно:
«Коротка ли рана?»
За этим пастбищем смотришь: что же
Такое совесть? НЕ осторожность.
Глаз усомнившийся — явный повод,
Совесть за то, чтоб попасть под молот,
Не прибедняясь. Захочешь — скажешь.
(«И на хлеб её не намажешь,
Правду!»)

*Я не ты, история, я не жупел,
Которым пугают в начальных средних.
Перед кирзой твоей стою разутой
Без ставки: нации, поправки: денег.
Застанешь — завтра проснусь единственно,
Чтобы расслышать твои зенитки.
Но мне плевать на твою воинственность:
Стало быть, там, где Фуко и Шнитке,
Буду отказывать тебе в сознании,
Хоть ты вещественна, хоть ты вальяжна.
Быть правдой — выправить билет в изгнание.
Мне стыдно, история.
Мне не страшно.*

4

Земную жизнь пройдя до полузабытья,
Настольным ужасом питаюсь
(Никто не побуждает жить, но я
Ещё ребячески пытаюсь), —

Подумаешь: как дорого стоять
На воздухе, всего немного с краю...
(Никто не понуждает длить, но я
Отчаянно не умираю,
Отчаянно. Отчизну холода
С её не в меру пылким телом.)
Под голосом одним — земную жизнь пройдя,
Стократ отождествляясь с целым.

• • •

Время
бьёт себя по рукам.
Начинается
ледоход на реке Медянке.
Между городом
и другим
напряжение Сил.
Так
отделённое от лекал
тело — лётчика на гражданке —
лепит (иже, еси)
нежность,
собороподобность. Перво-
слух
истончается до золотого среза,
землю
клюют усы.
Где этот ангелоплечий деспот,
змея-воздыхатель
с глазами Цеза-
ря в остальные часы?
В остальные часы
он спит.
На веранде
пыль и моль затевают танец,
дети шалют в кустах —
и никого не находят. Разве
мнился
разноголосой банде
Бог? Пустота густа.

Гость! Уложи себя под подушку,
не сходи
с мелового круга,
не забывай, как звать
первую канарейку-подружку,
громовержца-
пьянчугу,
вдохновенную мать, —
смертны. И подражать негоже.
От тебя
зависит наутро
сводка
прошедших битв,
оставайся в живых — как будто
говорящим о нас, —
и всё же
о тебе говорит
то,
что больше заговорённых
тем. Во времени не рождённый,
вылепи
свой секрет:
реку Медянку, лёд, водокачку,
город-свод
и его собачку.
В Тело Вошедший Свет!

содержание

I

«Мало того, что тихое...»	5
«Легко оставаться одной земноводной зимой...»	6
«Представим видимость жизни по Джону Кейджу...»	7
«Гортензия, развейся. Чувство дней...»	8
«За какими такими к тебе словами...»	9
«В соборном будущем, где места нет...»	10
«Не старым, не молодым...»	11
«То, что мы сделали в речи, достойно встречи...»	12
Жизни	13
Верность	14
Зимним вечером в Ялте	15
Тридцатилетие	16
«Так пропадает необходимость...»	17
«Благодарю за сон...»	18
«Браво же, сон. Никуда не деться...»	19
«Головокружится...»	20
Те же, душа и старение	21
«Смотри, и эта закончилась. Вот покой...»	22
Портрет: Надя	23
Иншомовне	24
Из Ю. Андруховича	25
«Ненужный груз...»	26
«В чёрно-белом...»	27
Смерти (стихи в белой рубашке)	28
О любви	29
«Городок назывался Нижний Ярыхин...»	30
«В високосный год горит височная кость...»	31

«В году <...>...»	32
Апрель. Годовщина третья	33
Элегически, другу	34
«Ехали на «Пальмире», пугали рыбу...»	35
Парковые скульптуры	36
«Оставшись сквозным сознанием, начинаешь быть...»	37
Из Выготского	38
«Скажешь: тоска. И тоже ещё не то...»	39
Имена	40

II

Срезы	43
Фрагменты греческих философов	46
Метеосводка: август	49
«Время бьёт себя по рукам...»	52

В издательстве «Воймега» вышли следующие книги:

серия «приближение»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко»

Алексей Тиматков «Воздушный шар»

Андрей Чемоданов «Совсем как человек»

Всеволод Константинов «Седьмой путь»

Александр Сорока «Тутырь»

Валерий Халяпин «Три-вы-я»

Александр Максимов «Новый год-II»

Александр Переверзин «Документальное кино»

Михаил Свищёв «Последний экземпляр»

Мария Тиматкова «Настоящее имя»

а также:

Денис Новиков «Виза»

Ирина Ермакова «Улей»

Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пения»

Григорий Кружков «Новые стихи»

Александр Тимофеевский «Размышления на берегу моря»

Андрей Василевский «Всё равно»

Книги можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25

«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., д. 12/27

дизайн серии и макет:

С. Труханов

корректор:

О. Тузова

редактор:

А. Переверзин

Формат 60x90/16

Тираж 500

издательство «Воймега»

e-mail: voymega@yandex.ru

alkonost@inbox.ru

Проснувшись — как где-то в Сибири, как где-то в себе,
В исходной постели, квартире, в исподней беде,
За кадром, где голубь летит к амбразуре окна, —
Прокаркаешь, что целокупная жизнь не страшна.
Что кедры её выпивают сырую тоску,
Что первое дело души приложиться к соску
Небесного тела — и вообразить перед сном,
Что здесь никого не задела, в проёме дверном.

светлана бунина светлана бунина светлана бунина светлана бунина светлана
л цветка • удел цветка • удел цветка